

В центре сюжета картины «После ветра и дождя» — девятнадцатилетний Чжэн Сяоань, поющий в баре. На дворе 1991 год, место действия — заштатный Наньчэн.

Однажды во время репетиции в парке юноша сталкивается с тридцатидвухлетним Шан Мином — вернувшимся из-за границы юристом, человеком широких взглядов и легкого нрава.

На пробы пригласили актеров около тридцати лет. Чжоо Чэню пришлось подыгрывать троим претендентам подряд. Первого отсеяли в ту же секунду, как они встали рядом, — режиссер Фан Юйхуа скомандовал прервать сцену и прямо заявил:

— Простите, но дуэта не получается. Между вами нет химии.

Чжоо Чэнь почувствовал легкую неловкость: перед ним стоял заслуженный, титулованный коллега на тринадцать лет старше его самого. Впрочем, Фан Юйхуа условности не заботили, да и сам претендент отнесся к отказу спокойно — вежливо откланялся и покинул студию.

Второй кандидат срезался после первого же этюда. Режиссер отказал ему мягко, но твердо: подвел рост. Парень играл убедительно, однако на фоне ста восьмидесяти пяти сантиметров Чжоо Чэня выглядел невзрачно и никак не мог задавить его авторитетом.

Стоило двери закрыться, Фан Юйхуа с притворной досадой и скрытой нежностью осадил Чжоо Чэня:

— Парень, ты вообще-то снизу играть должен, усек?

Чжоо Чэнь шутливо возмутился:

— Вообще-то я по жизни всегда сверху!

Площадка так и приснула со смеху.

Чжэн Сяоань — робкий, забитый мальчишка. Худой, бледный от вечного недоедания, с потухшим взглядом, в глубине которого тлеет робкая надежда. В восемнадцать он понял, что его тянет к мужчинам, и признался родителям. В те годы общество клеймило это как душевное расстройство, а уж его необразованные предки, не прочитавшие за жизнь ни строчки, и вовсе пришли в ужас.

Сына упекли в сумасшедший дом. Сяоань сбежал оттуда глухой ночью, прихватив докторские деньги, и на первом попавшемся автобусе укатил в этот чужой, сияющий огнями мегаполис. Преданный самыми близкими, без гроша за душой, но с отчаянной безуминкой в крови, он топил свое одиночество на сцене заштатного грязного бара. Там, под софитами, он выплескивал душу в песнях, но стоило сойти за кулисы — и тишина мертвой хваткой сжимала ему горло, превращая бунтаря обратно в запуганного ребенка.

Образ был полной противоположностью Чжоо Чэню. Сяоань был ведомым. И он безупречно давал эту мягкость, интуитивно чувствуя малейшие нюансы роли. В конце концов, персонаж писался с него самого — пусть и с изрядной долей художественного вымысла. Актерская задача не пугала парня, куда сложнее было найти достойного партнера на роль Шан Мина. Фан Юйхуа и сценарист Чжань Жуй явно не собирались снижать планку и соглашаться на компромиссы.

Третий претендент оказался совсем молодым. В репетиционный зал он вошел в сопровождении личного агента. Еще до начала проб Чжоо Чэнь слышал, как шептался персонал: это был Чжун Мяньжань, смазливый певец из студии звукозаписи «Синий ветер», успевший засветиться в паре кассовых дорам. Изначально Фан Юйхуа даже не думал его звать, но босс «Синего ветра» лично оборвал режиссеру телефон. Пришлось уступить из вежливости и дать парню шанс, разумеется, без каких-либо гарантий.

Фан Юйхуа смерил Чжун Мяньжана скептическим взглядом:

— Текст вызубрил?

— От зубов отскакивает, — скромно улыбнулся тот.

Режиссер покачал головой, проглотив вертевшуюся на языке колкость, и махнул рукой:

— Ладно, поехали.

Чжоо Чэнь вернулся на позицию, присел на деревянный табурет и небрежно коснулся струн гитары. Чжун Мяньжань шагнул ближе и подал первую реплику:

— Свободно?

Чжэн Сяоань вскинул голову и с легкой, едва заметной издевкой посмотрел на незваного гостя:

— Глаза-то на что? Сам не видишь?

От такой дерзости Шан Мин должен был смутиться, вспыхнуть до кончиков ушей, замяться, но все же сесть рядом. Сяоань лишь фыркнул и снова уткнулся в инструмент. Шан Мин изобразил, что разглядывает окрестности, выдерживая паузу. Прошло несколько секунд, но Чжоо Чэнь упорно молчал, хотя по сценарию тут шла его реплика.

Неужели забыл слова?

Чжун Мяньжаню ничего не оставалось, кроме как импровизировать и продвигать сцену

дальше:

— Давно на гитаре играешь?

Сяоань даже взгляда не поднял:

— Полгода.

И снова повисла глухая тишина. В зале стало так тихо, словно все они вымерли. Чжун Мяньжань раздраженно повел плечом, и в этот момент Фан Юйхуа остановил съемку:

— Снято. Спасибо, свободны.

Чжун Мяньжань обиженно скривился.

— Это он виноват! — выпалил Чжун Мяньжань, указывая на партнера. — Он реплику пропустил!

Его агент, Сюй Дун, стоя у стены, отчаянно жестикулировал, призывая подопечного заткнуться, но парня уже несло:

— Вообще-то, роль Чжэн Сяоаня подходит мне гораздо больше!

— Он ничего не забыл, — ровным тоном осадил его Фан Юйхуа. — У вас изначально были разные варианты сценария. Сегодня мы проверяем вашу гибкость и умение чувствовать партнера.

Режиссер медленно оглядел возмущенного юнца с ног до головы и вдруг выдал такое, от чего у всех присутствующих челюсти отвисли:

— Что ж, раз ты считаешь себя идеальным Сяоанем, давайте поменяемся местами. Чжоо Чэнь, сыграй Шан Мина.

Он послушно отложил гитару, поднялся и сделал приглашающий жест, уступая место на табурете. Сюй Дун за спинами съемочной группы ободряюще сжал кулаки, посылая артисту безмолвные лучи поддержки. Чжун Мяньжань глубоко вдохнул. На самом деле он давно отрепетировал обе роли — этот шанс упускать было нельзя, он зубами готов был вырвать этот проект.

Парень уселся, взял инструмент и заиграл простенький, нарочито неумелый перебор — ведь Сяоань учился всего ничего. Он ждал, когда партнер подойдет к нему, но Чжоо Чэнь не

спешил.

Ло Фэй, наблюдавший за сценой из угла, прекрасно понимал толк в настоящем таланте — не зря же он в свое время разглядел в безвестном статисте Цзян Цюаня будущую звезду. И все же игра Чжоо Чэня заставила его сердце екнуть от удивления.

Чжоо Чэнь в образе Шан Мина не стал сразу лезть с расспросами. Он замер шагах в трех. Его герой — солидный юрист, и пусть он повидал свободную заграничную жизнь, здесь, в Китае начала девяностых, он вынужден оглядываться на рамки приличий и беречь репутацию. Он скользнул по сидящему мальчишке равнодушным, казалось бы, взглядом, прошел мимо... но через секунду обернулся. Его выдали глаза. Первое мимолетное влечение, с которым он не смог совладать.

Он медленно сделал шаг назад и нерешительно спросил:

— Свободно?

Чжун Мяньжань вскинул на него взгляд:

— Глаза-то на что? Сам не видишь?

До этого момента все были уверены, что реплика Сяоаня может звучать только так, как ее подавал Чжоо Чэнь — холодно, лениво, с едва уловимой, притягательной дерзостью. Но в исполнении Чжун Мяньжана фраза превратилась в нечто жеманное и приторное. Из его Сяоаня так и перла откровенная, манерная изнеженность, буквально кричавшая о его ориентации.

Это выглядело искусственно и фальшиво. В те годы мужчины подобного склада из кожи вон лезли, лишь бы сойти за приличных гетеросексуалов. Никто бы не решился так откровенно кривляться и выдавать себя с потрохами. Эксперимент провалился в самом зародыше.

Тем не менее, сцена продолжалась. Чжоо Чэнь отыграл замешательство: его Шан Мин поджал губы, явно намереваясь развернуться и уйти от греха подальше, но непреодолимая тяга заставила его остаться. Он все-таки присел на край лавки.

Сяоань снова затеребил струны, когда Шан Мин негромко произнес:

— Отлично играешь. Я еще издали услышал.

Чжоо Чэнь сидел, вцепившись пальцами в собственные колени. Его плечи были напряжены, взгляд упрямо направлен вперед, а губы сжаты в тонкую линию. Перед зрителем предстал взрослый, солидный мужчина, который робел как мальчишка, пытаясь завязать разговор. Это был чистокровный, стопроцентный Шан Мин.

— Правда? — не удержался Чжун Мяньжань.

Чжоо Чэнь бросил на него быстрый, вороватый взгляд и попытался непринужденно улыбнуться:

— Да. Часто здесь бываешь?

Чжун Мяньжань опустил голову и тихо выдохнул:

— Я проиграл.

Он бережно отставил гитару, поднялся и низко поклонился режиссеру:

— Простите за мою резкость, режиссер Фан. И спасибо, что уделили мне время.

Чжоо Чэнь еще мгновение стоял неподвижно, медленно выходя из образа робкого и взволнованного Шан Мина.

— Надеюсь, мы еще поработаем вместе, — обернулся к нему Чжун Мяньжань и быстрым шагом вышел из зала вместе со своим агентом.

Его вспыльчивость в начале сцены теперь казалась не грубостью, а скорее ребяческой непосредственностью. Уходя, он оставил о себе удивительно приятное впечатление. Даже Чжоо Чэнь поймал себя на мысли, что парень чертовски искренний и милый.

— Отлично, объявляю перерыв на обед. Продолжим во второй половине дня, — сладко потянувшись, объявил сценарист Чжань Жуй.

Чжоо Чэнь отошел к стене, опустился на стул и принял из рук Ло Фэя термос с теплой водой. Сделав глоток, он задумчиво уставился на гитару. В памяти вдруг всплыл бар «Геккон» на улице Цинси, тесная тусклая сцена и ребята, с которыми он не созванивался уже целую вечность.

— С помощником глухо? — спросил он.

— Посмотрел пару человек, — отозвался Ло Фэй. — Обычные фанатки, мечтающие тереться возле кумира. Сразу отправил восвояси.

— Там ведь не требуется диплом престижного вуза? Как думаешь, мой прежний коллега справится? Он бармен.

— Если его прельщает перспектива бегать у тебя на побегушках, то почему нет?

Работа личного ассистента — это вечная рутина: наполовину сиделка, наполовину секретарь. Перспектив мало, потолок карьеры — дорасти до помощника агента, а там, если повезет, пробиться в менеджеры.

— Я спрошу у него, — кивнул Чжоо Чэнь.

Он вспомнил, как Лю Минь мечтал уволиться из «Геккона». Пусть возиться со звездой — занятие не из легких, но все же приличнее, чем всю ночь напролет мешать коктейли за стойкой. Да и режим дня станет куда здоровее.

После обеда атмосфера в зале накалилась до предела. Все сотрудники так и светились от предвкушения, и лишь Ло Фэй ходил мрачнее тучи. Причина его раздражения была проста: следующим на пробы должен был прийти не кто иной, как триумфатор последнего кинофестиваля, новоиспеченный киноимператор Цзян Цюань.

Рост, возраст, зрелость, выдающееся мастерство — он подходил на роль Шан Мина идеально. Смущал лишь астрономический гонорар звезды. Фан Юйхуа откровенно сомневался: бюджет у авторской драмы был скромным, разгуляться негде.

Когда Цзян Цюань переступил порог репетиционного зала, Чжоо Чэнь ощутил, как сердце предательски забилося чаще. Актер был великолепен в ладно скроенном классическом костюме. Белоснежная рубашка без галстука, верхняя пуговица небрежно расстегнута, приоткрывая ровный золотистый загар и точеные ключицы. Его нельзя было назвать писаным красавцем, но от него веяло удивительным спокойствием, а во взгляде читалась нестигаемая воля.

Он пришел один, без привычной свиты из менеджеров и телохранителей. Первым делом Цзян Цюань тепло поприветствовал режиссера. Когда-то они уже пересекались на съемочной площадке, но тогда Цзян Цюань довольствовался скромными эпизодами. Фан Юйхуа еще тогда приметил талантливого парня, да все никак не подворачивался случай поработать всерьез. Теперь же статус и аппетиты актера выросли стократно.

Фан Юйхуа представил актеров друг другу. Вежливо кивнув коллеге, Цзян Цюань перевел взгляд на стоявшего чуть позади Ло Фэя. Он мягко, почти интимно улыбнулся.

— Давно не виделись, А-Фэй.

Ло Фэй сухо кивнул, выдерживая ледяную дистанцию:

— Не так уж и давно, господин Цзян.

От их безмолвной дуэли взглядов в воздухе едва не посыпались искры. Один из всех сил демонстрировал равнодушие, другой упрямо искал сближения. «Явно бывшие любовники», — мысленно резюмировал Чжоо Чэнь, затаив дыхание в ожидании грандиозной сцены. Но Цзян Цюань вовремя взял себя в руки, отвел глаза и повернулся к режиссеру:

— Господин Фан, давайте начнем.

Повторять один и тот же этюд с самого утра — испытание не из легких, но Чжоо Чэнь сумел абстрагироваться и мгновенно вошел в рабочее состояние. В зале воцарилась звенящая тишина. Цзян Цюань двинулся вперед. Его шаги были бесшумными, осторожными — так подкрадываются к редкой бабочке, боясь спугнуть ее неловким движением. В его взгляде читался неподдельный интерес.

Чжоо Чэнь прикрыл глаза и лениво перебрал аккорды к песне Дэвида Боуи, намеренно путая ноты. Цзян Цюань остановился у самых его ног.

— Любишь Дэвида Боуи?

Это было неожиданно. Никакого шаблонного захода по тексту.

Сяоань медленно поднял голову. Увидев мягкую, слегка растерянную улыбку незнакомца, он криво усмехнулся:

— А тебе какое дело?

Но взрослого мужчину этот колючий выпад не смутил. Шан Мин мягко спросил:

— Присесть можно?

Только теперь Сяоань окинул его долгим, изучающим взглядом и буркнул:

— Плевать. Сядь, если хочется.

Шан Мин опустился на другой край скамьи. Между ними оставалось достаточно места, но возникшее в воздухе напряжение связало их прочнее любых объятий. Они изучали друг друга полувзглядами, полужестами, улавливая малейшие микроколебания воздуха. Два робких шага навстречу — и неприступная броня Сяоаня дала едва заметную трещину.

Разговор завязался неловко, фразы рождались со скрипом, но сквозь эту показную скованность

пробивалось мощное, неодолимое взаимное притяжение. Эта химия была настолько осязаемой, что съемочная группа замерла, боясь дышать. Границы репетиционного зала стерлись, оставив на всем белом свете только этих двоих.

— Стоп! Снято! — выдохнул наконец Фан Юйхуа.

Цзян Цюань повернулся к партнеру и негромко произнес:

— А ты хорош. Намного лучше, чем я ожидал. У Ло Фэя все-таки потрясающее чутье на таланты.

Чжоо Чэнь едва заметно приподнял бровь. В этих словах сквозила тонкая, изящная шпилька, но устраивать сцену перед режиссером не имело смысла. Напустив на себя самый невинный вид, он кротко улыбнулся:

— Спасибо за похвалу, учитель Цзян. Ваша оценка для меня очень важна.

Цзян Цюань удовлетворенно кивнул и, поднявшись, обратился к режиссеру:

— Господин Фан, сценарий великолепный. Я готов подписать контракт прямо сейчас. И согласен урезать свой стандартный гонорар наполовину.

Присутствующие онемели от изумления. Чтобы оscarоносный актер шел на такие уступки ради скромной авторской драмы? Неслыханная щедрость!

Фан Юйхуа, впрочем, не спешил радоваться. Он с прищуром посмотрел на звезду:

— Твое агентство не будет против? Или ты теперь сам себе хозяин?

Взгляд Цзян Цюаня на мгновение потускнел, в голосе промелькнула тщательно разыгранная горечь:

— Да, я волен решать сам. Ведь у меня до сих пор нет личного агента.

Все как один повернулись к Ло Фэю.

"Какая наглая, беспардонная ложь! — мысленно взвыл Ло Фэй. — У Цзян Цюаня за спиной стоит целая армия профессионалов: пиарщики, юристы, личные ассистенты. А теперь он строит из себя брошенную сироту! Побойся бога, киноимператор! Тебе тридцать лет, а не тринадцать!"

Ло Фэй сверлил бывшего подопечного злым взглядом, гадая, какую еще игру затеял этот мерзавец.

Фан Юйхуа, разумеется, все прекрасно понял. Он лишь добродушно усмехнулся:

— В таком гиганте, как «Ганэ», найдутся десятки первоклассных специалистов. Но ты у нас птица высокого полета, угодить тебе тяжело.

Цзян Цюань мягко рассмеялся и, метнув быстрый взгляд на Ло Фэя, вкрадчиво добавил:

— Просто я однолюб. И тяжело схожусь с новыми людьми.

Чжоо Чэнь едва сдержал смешок. Надо же, какая трогательная верность!

<http://bllate.org/book/18248/1753331>